

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ПЕРИОД ПОЗДНЕГО СОЦИАЛИЗМА (на примере Дальнего Востока РСФСР)

Гринько Андрей Александрович, кандидат исторических наук, Дальневосточный государственный аграрный университет, Благовещенск, Россия, andrey2007-85@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9690-421X>

Аннотация. В статье рассматривается жизнедеятельность сельского населения дальневосточной части страны в 1970-х – первой половине 1980-х гг. через призму существующих проблем и противоречий. Особое внимание обращается на ряд явлений социально-экономического плана, вызывавших негативную реакцию жителей сельской местности, в первую очередь работников сельского хозяйства. Отношение, которое испытывали сельчане к своему положению в регионе и в структуре дальневосточного социума, не следует считать сугубо негативным. Оно имело и позитивные проявления. Тем не менее в рамках данной статьи автор акцентирует внимание на отрицательных сторонах жизни, которые носили перманентный характер и усиливались под влиянием как субъективных, так и объективных факторов. Актуальность данному вопросу придает тот факт, что многие процессы, отражавшиеся на сельчанах эпохи позднего социализма, имеют место и в современной российской действительности. Автор отмечает многогранность и неоднозначность существовавших проблем, недостаточность усилий власти по их преодолению и формированию к середине 1980-х гг. отчетливой тенденции оттока молодого, трудоспособного и квалифицированного населения в более благоприятную местность, в первую очередь города.

Ключевые слова: Дальний Восток, сельское население, удовлетворенность жизнью, качество жизни, дефицит, поздний социализм

Для цитирования: Гринько А.А. К вопросу о проблемах сельского населения в период позднего социализма (на примере Дальнего Востока РСФСР) // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 93-98. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-93-98>

Research Article

ON THE PROBLEMS OF THE RURAL POPULATION IN THE PERIOD OF LATE SOCIALISM (on the example of the Far East of the RSFSR)

Andrey A. Grinko, Candidate of Historical Sciences, Far Eastern Agrarian University, Blagoveschensk, Russia, andrey2007-85@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9690-421X>

Abstract. The article examines the life activity of the rural population of the Russian Far East in the 1970s – the first half of the 1980s through a set of existing problems and contradictions. Special attention is paid to a number of socio-economic phenomena that caused a negative reaction of rural residents, primarily agricultural workers. The attitude that the villagers felt towards their position in the region and in the structure of the Far Eastern society should not be considered purely negative. It also had positive manifestations. Nevertheless, within the framework of this article, the author focuses on the negative aspects of life, which were permanent and intensified under the influence of both subjective and objective factors. Topicality of this issue is given by the fact that many processes that affected the villagers of the late socialism era also take place in modern Russian reality. The author notes the complexity and ambiguity of the existing problems, the insufficient efforts of the authorities to overcome them, and the formation by the mid-1980s of a clear trend of the outflow of young, able-bodied and qualified population to more favourable areas, primarily cities.

Keywords: Far East, rural population, life satisfaction, quality of life, scarcity, late socialism

For citation: Grinko A.A. On the problems of the rural population in the period of late socialism (on the example of the Far East of the RSFSR). Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 1, pp. 93-98 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-93-98>

1970-е – первая половина 1980-х годов отложились в отечественной истории и памяти народа с навешанными ярлыками «застоя», «позднего» или «развитого» социализма и даже как «золотая эпоха» жизни страны. Действительно, рассматриваемый период отличался противоречивостью во всех сферах, а положительные тенденции сочетались с негативными явлениями.

Село в полной мере ощутило на себе всю многогранность советской действительности и претерпело более серьезную трансформацию в сравнении с городом. Эта трансформация не завершилась после коллективизации или хрущевских реформ, а продолжалась и в брежневский период.

В это время одним из регионов, оказавшимся в приоритете для государственной власти, стал Дальний Восток. На фоне всей республики он выделялся значительным притоком капиталовложений. В первой половине 1970-х гг. финансовые вливания в регион более чем на 400 % превосходили уровень второй половины 1960-х гг., а во второй половине 1970-х гг. – на 500 % соответственно [Минакир, Рензин, Чичканов: 179]. Ассигнования в непродовольственную сферу региона возросли на 25,6 % с середины 1970-х по середину 1980-х годов [Социально-экономический анализ: 89]. Однако в расчете на душу населения прослеживалось недофинансирование Дальнего Востока в рамках страны.

Сельская местность восточной окраины государства также становилась объектом все большего внимания республиканских и союзных властей. Важной демографической особенностью региона являлся молодой состав сельчан, сложившийся благодаря сравнительно низкой смертности при высокой рождаемости. Почти две трети всего населения составляли люди трудоспособного возраста, что было выше показателей по РСФСР¹. Приток переселенцев из других частей страны также отличался преобладанием молодежи. Последние искали на Дальнем Востоке лучшие условия труда и жизни.

Все более ускоряемое течение жизни в совокупности с возрастающим влиянием новых источников информации, активной урбанизацией сознания сельского жителя, ростом образованности, мобильности и многое другое изменяли отношение к ранее привычному образу жизни, своему положению в обществе и трансформировали взгляды на будущее. Массовое вовлечение женской части сельчан в экономику повышало статус женщины в семье и обществе, способствовало росту образованности, расширению кругозора, требований к себе, работе, месту жительства, окружающей действительности [Гринько 2019: 292].

Если предшествующие поколения были более терпимыми к трудностям и сложностям жизни в деревне, то женщина 1970-х годов относилась к существующей реальности более избирательно и даже непримиримо.

Отечественная аграрная сфера всегда отличалась большой трудовой нагрузкой, более значительной и неравномерной в сравнении с другими отраслями экономики. На Дальнем Востоке нередко она была выше, чем по республике, например, у механизаторов – на 30–40 %². Сверхурочные работы и отсутствие выходных дней были распространенным явлением в дальневосточных хозяйствах. Однако если ранее сельчане были вынуждены мириться с этим обстоятельством, то в рассматриваемые годы для молодых и образованных людей появились возможности выбора иных сфер приложения своих сил, где затраты труда были распределены относительно равномерно в течение года, имелась фиксированная продолжительность рабочего дня, обязательные выходные, а проблема отпусков в летний период не стояла особенно остро.

Подобная картина была присуща не только востоку, но и центральной части республики, причем как работникам растениеводства, так и животноводства. При трудовой норме в 280–290 дней часть из них работала 300–330 дней³.

Отпечаток на настроения сельчан накладывал и уровень доходов, который играл крайне важную роль по причине высокой стоимости жизни на Дальнем Востоке. Уровень зарплат в сельской местности неуклонно рос. Так, зарплата в сельском хозяйстве выросла с 155,5 руб. в 1970 г. до 285,1 руб. в середине 1980-х гг.⁴ Тем не менее финансовая привлекательность региона снижалась, поскольку к середине 1980-х годов зарплата превышала среднереспубликанский уровень лишь на 15 % в сравнении с 30 % в начале 1970-х годов [Ващуков: 84–85].

Ситуация осложнялась тем, что основополагающими принципами при начислении выступали уравнительность и гарантии средней величины заработной платы для всех тружеников. Величина заработной платы практически не зависела от качества работы. Высокая рентабельность хозяйства давала основание получать 13%-ную надбавку к среднему заработку, однако имели место ситуации, когда в менее успешных и даже убыточных колхозах и совхозах работники получали такую же оплату труда⁵.

Молодежь нередко привлекали для работ вне зависимости от приобретенной профессии, современное оборудование и техника предоставлялись далеко не всегда.

Закономерностью эпохи стал ускоренный рост потребностей, что вступало в явное противоречие с одной из главных примет времени – дефицитом. Непреодолимые издержки плановой экономики, ошибки местных властей и незаинтересованность торговых организаций в качественном удовлетворении потребностей сельчан приводили к тому, что целый ряд продовольственных и промышленных товаров отсутствовали в сельской торговле в принципе. Несмотря на то, что в рассматриваемые годы капиталовложения в дальневосточную торговлю выросли в 1,8 раза, однако в среднем по республике

рост составил 2,3 раза, что не могло не отразиться на отставании в развитии [Социально-экономический анализ: 92]. Если в середине 1980-х годов в среднем по республике выпуск промышленных товаров в расчете на одного человека достигал тысячи рублей, то на Дальнем Востоке – 754 руб., а в Амурской области – только 398 руб. [Сибирь и Дальний Восток: 41]. Естественно, что городская торговля находилась в приоритете. Товарооборот в сельской местности Дальнего Востока был почти в два раза меньше, чем в городах [Аграрная политика: 118].

Даже при наличии денежных средств приобрести качественную современную одежду и обувь, игрушки, бытовую технику, стройматериалы, ковры было крайне сложно. Практически все новинки отечественной промышленности автоматически становились дефицитом. Их приобретение было возможно только через ожидание своей очереди, которая могла наступить через несколько месяцев или лет. Более того, продолжала существовать нехватка простых изделий, обязательных для нормального существования: ниток, мыла, спичек.

Трудности осложнялись тем, что советская промышленность зачастую продолжала производить невостребованные товары. В результате складывалась ситуация, когда действительно нужные товары были в дефиците, а низкокачественные или немодные изделия накапливались и не реализовывались. Не менее сложная ситуация была и с продовольственными товарами. Если картофель, молоко или мясо можно было приобрести у частников, то чай, колбасы, сыры и другие продукты были доступны крайне редко. Ряд овощей и особенно фруктов, был доступен только в определенный сезон и только в крупных торговых точках. Местные жители неоднократно жаловались на то, что если в магазинах районных центров существует выбор продуктов питания, то в остальных селах «абсолютно ничего нет». Сельчане предполагали, что эта проблема существует из-за ошибочного мнения власти о продовольственной самодостаточности деревни.

Для отдаленных сел проблема товарного дефицита была просто катастрофической. Около 300 деревень южной части Дальнего Востока были полностью лишены торговых точек⁶. Система посылторга и автомагазины должны были обеспечивать небольшие деревни товарной продукцией, однако этого не произошло.

Вышеназванные проблемы вызывали к жизни спекуляцию, а также уникальные извращенные пути «доставания» и «блата», не характерные для рыночных экономических систем. Нехватка востребованных товаров приводила к их нормированию и распределению среди наиболее «ценных» жителей сельской местности – руководящего аппарата и специалистов. Но даже среди них были свои очереди, а знакомство с нужным человеком (главой хозяйства, продавцом) или взятка были эффективнее, чем административные рычаги.

Существует распространенное мнение, что проблема товарного дефицита в некоторой степени сглаживалась стабильностью уровня цен в торговле. Однако действительно дефицитные товары стоили дорого, а государственные цены росли. Например, в рассматриваемые годы дважды повышалась стоимость меховых изделий, трижды – ковров, увеличивалась стоимость электро- и фототоваров, лакокрасочной продукции [Ващук: 175; Социально-экономический анализ: 16].

Сельчане были недовольны такой ситуацией, поскольку обоснованно считали, что цены растут на товары, востребованные в регионе. А если учесть то, что в дальневосточной сельской местности были дополнительные наценки и надбавки к государственным ценам, то ситуация становилась особенно тревожной. В частной торговле цены были еще выше, поскольку зависели от спроса и дефицитности, а переплата могла достигать 50 % и более⁷. В результате, согласно официальной статистике, дальневосточник тратил на 13 % средств больше, чем житель республики в среднем за год, а жители сельской местности – более чем 20 % [Ващук: 175; Социально-экономический анализ: 16; Территориальные особенности: 24].

Ситуация с обеспечением бытовыми услугами в сельской местности также была непростой. В первой половине 1980-х годов общее количество предприятий службы быта в селах Дальнего Востока было меньше, чем в городской среде, на треть, а капиталовложения в бытовую сферу в расчете на одного городского жителя были в три раза больше, чем на сельчанина [Крестьянство: 351; Бытовое обслуживание: 16; Народное хозяйство: 109]. Несмотря на открытие новых предприятий, развитие передвижного способа обслуживания мелких населенных пунктов и расширение перечня оказываемых услуг даже к середине 1980-х гг. около половины сел Амурской области, более 60 % приморских и хабаровских деревень в принципе не имели стационарных бытовых служб [Социально-экономическое развитие: 26]. Новые услуги и современные способы бытового обслуживания развивались недостаточно быстро и слабо учитывали деревенские реалии.

В частности, в 1983 г. в Приамурье удельный вес новинок (например, ремонт фотоаппаратов и пошив спортивной обуви) в общем объеме оказанных услуг не достигал и 1 %, а на селе составлял лишь 0,14 %⁸.

К концу эпохи позднего социализма сельчанин получал в течение года примерно 10 различных видов услуг, житель городской местности – в два раза больше [Социально-экономический анализ: 116]. Фотографирование, ремонт техники, услуги красоты в абсолютном большинстве сел отсутствовали как таковые.

Даже крупные села, являющиеся районными центрами, обладали недостаточным уровнем инфраструктуры и с трудом обеспечивали основны-

ми услугами своих жителей. Практика выездного обслуживания была малоэффективной, поскольку выезд в район означал необходимость прекращения оказания услуги в головной организации из-за нехватки кадров или оборудования.

К концу рассматриваемого периода даже сравнительно благополучные регионы южной части Дальнего Востока по объемам оказанных услуг оказались в худшем положении, чем на рубеже 1960–70-х годов. Особенно это касается Хабаровского и Приморского краев, отброшенных в рамках республики с 36 на 58 и с 18 на 55 позицию соответственно [Показатели: 29–30]. Трудности с бытовым обслуживанием являлись одним из мотивов, вызывавших отток сельских жителей в другую местность. Сельчане неоднократно подчеркивали, что у них нет «удовлетворения от бытового обслуживания» и что «от нас ничего не зависит»⁹.

Естественным выходом из создавшегося положения в сфере бытового и торгового обслуживания являлись поездки сельчан в более развитые населенные пункты, особенно города. В частности, до 80 % амурчан стремились посещать города ради предприятий торговли¹⁰. В них сельчане оставляли как минимум треть и более средств от общего объема трат на промтовары. Здесь приобреталась основная часть (более 50 %) обуви, одежды, транспортных средств, бытовой техники¹¹.

Посещая торговые и бытовые организации в городах, деревенские жители тратили немало личного времени. Так, в Амурской области подобные временные затраты могли достигать 10 часов за одно посещение. Распространенным явлением становились поездки в рабочее время, что наносило экономический ущерб отрасли.

Другим выходом для сельчан было обращение к услугам теневого сектора. Взятки должностным лицам за тот или иной дефицитный товар, получение услуг неофициальным путем за вознаграждение, заказы частникам приобретали с каждым годом все большее распространение.

Значительное влияние на настроения сельчан оказывали и жилищные условия. Качество жилья, уровень благоустройства, планировка и другие аспекты стали находиться в центре внимания наиболее активной части населения. Однако, как и в случае с торгово-бытовой сферой, концентрация строительства происходила в относительно больших селах в ущерб остальным, где планы ввода нового жилья систематически срывались. Такая практика стала нормой. Только за вторую половину 1970-х годов в Приамурье не было построено более 60 тыс. кв. м. планируемого жилья [Борчанинова: 18–19]. Ситуация усугублялась более высокой (с превышением до 70 %) стоимостью строительства в сравнении с РСФСР. Вводимое жилье зачастую строилось по городским шаблонам (многоэтажное, без придомовой территории с хозяйственными постройками), что вызывало недовольство сельчан, вплоть

до отказа от переселения [Власов: 40–41]. Даже качество новостроек было крайне невысоким, о чем неоднократно сообщали местные газеты. Внешняя невзрачность, плохая планировка помещений, плесень на стенах, протекающие крыши, занозы и щели в половых досках, неподогнанные двери – это лишь малая часть претензий того времени. При опросе в 1984 г. работников хабаровских совхозов каждый пятый из тех, кто проживал в новых домах, был недоволен ими [Территориальные особенности: 74].

Новое жилье предоставлялось в первую очередь переселенцам. Нередко это происходило в ущерб кадровым специалистам. Например, в первой половине 1970-х годов из 13 млн рублей, направленных на жилищное строительство в Приморье, почти 12 млн выделялись на новоселов, чем были недовольны местные жители¹².

Однако даже такое приоритетное положение не улучшало ситуацию для многих переселенцев, которых нередко заселяли в непригодные для жизни дома. Так, в Хабаровском крае примерно половина всех приезжающих семей не получала постоянное новое жилье. Многие сельчане проживали в ветхом жилье, что являлось одной из главных причин их отъезда.

Температура в домах с централизованным отоплением нередко была крайне низкой. Только 20 % районных центров Дальневосточного региона имели центральное водоснабжение, разумеется, только холодной водой. В деревнях Приморья и Хабаровского края общая длина водопроводных сетей составляла 20 км, а в Приамурье – 3 км, что явно свидетельствовало о неразвитости коммуникаций¹³. Только по обеспеченности электроэнергией села постепенно приближались к городской среде. Достигнутый уровень благоустройства в реальности оказывался ниже из-за аварий, перебоев и длительных ремонтов [Гринько 2018: 114].

Частное или индивидуальное жилищное строительство развивалось слабо. Одной из ключевых причин этого была высокая стоимость строительства. Немаловажной причиной было и то, что далеко не все сельчане, особенно молодежь, были уверены в длительности своей жизни в сельской местности. Более того, в некоторых дальневосточных хозяйствах не приветствовалось строительство своего жилья, поскольку с помощью «казенного» дома можно было хотя бы временно «привязать» работника рабочему месту.

Даже к середине 1980-х годов жизнь в дальневосточном селе требовала ежедневного использования печи, заготовки топлива, привоза воды и других действий, отнимающих и без того ограниченное свободное время.

Благоустройство постепенно росло, но по сравнению с уровнем РСФСР дальневосточная деревня была отстающей. Доля ветхого и аварийного жилья превышала республиканские значения [Корякина: 82]. По размерам жилой площади в первой полови-

не 1980-х годов Амурская область оказалась отброшена с 50-го на 56-е место в рамках республики, а Хабаровский край – с 55-го на 65-е место [Показатели: 35–36].

Таким образом, можно отметить, что социально-экономическая система, существовавшая в государстве в рассматриваемую эпоху, оставалась крайне неповоротливой и бюрократизированной, ее эффективность была недостаточной для удовлетворения быстро растущих потребностей народа. К середине 1980-х гг. сельская среда оставалась консервативнее городской и изменялась значительно медленнее. Однако периферийное положение Дальнего Востока и традиционная консервативность села не означали отсутствие перемен в сознании сельчан и рост их «урбанизированности».

Восприятие проблем обострялось сравнением с жизнью городских жителей, ростом амбициозности и желанием добиться большего в своей жизни, восприятию села как бесперспективного места. Само слово «деревня» приобретало отрицательный смысл в речи все большего числа людей.

Уровень зарплат, пенсий сельчан (особенно колхозников) и некоторых других выплат был ниже в сравнении с доходами городских жителей. Преимущества в заработках дальневосточников по сравнению с остальной страной постепенно снижались.

В результате накапливавшееся в течение ряда лет недовольство своим положением вылилось в массовый отток квалифицированных кадров, молодежи из сел (особенно из аграрной сферы) в города и несельскохозяйственные отрасли экономики. Если в 1970 г. села покидала четверть всего мигрирующего населения Амурской области, то в середине 1980-х годов – уже треть [Рыбаковский: 42]. Сельские жители, имевшие востребованное образование и опыт, были более мобильны и могли сменить сферу деятельности, место жительства довольно безболезненно. В начале рассматриваемого периода соотношение покидающих и прибывающих в аграрную отрасль кадров было сравнительно благополучным, но в дальнейшем ситуация стала явно отрицательной, причем по многим профессиям. В частности, за 1982 г. в приморских хозяйствах трудоустроилось только 2 284 трактористов-машинистов, а уволилось – 2 376¹⁴. Статистика отражает сложную ситуацию на Дальнем Востоке, где среднегодовая текучесть кадров механизаторов достигала 20–25 % в сравнении с 12–13 % в среднем по республике¹⁵.

Даже те дальневосточники, которые оставались жить на селе, стремились все больше дистанцироваться от аграрной сферы [Крестьянство: 324–325]. Широкий спектр мест приложения своего труда, хоть и ограниченный барьерами административно-командной экономики, способствовал мобильности сельского населения как в пределах собственно сельской местности, так и в рамках всего региона.

В селе оставались малоквалифицированные работники, не имеющие возможности или желания уе-

хать, стали массовыми явлениями алкоголизм и наркомания, аккумулировались застойные процессы.

Примечания

¹ Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. 719. Оп. 22. Д. 414. Л. 71; Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. 131. Оп. 10. Д. 343. Л. 11.

² ГААО. Ф. 480. Оп. 12. Д. 99. Л. 10.

³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 10.005. Оп. 1. Д. 778. Л. 11.

⁴ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 39. Д. 8397. Л. 69

⁵ Государственный архив Амурской области (ГААО). Ф. 480. Оп. 12. Д. 186. Л. 16.

⁶ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 39. Д. 8183. Л. 48.

⁷ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 63. Д. 2631. Л. 11.

⁸ ГААО. Ф. 480. Оп. 15. Д. 161. Л. 9.

⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 153. Д. 1090. Л. 12.

¹⁰ ГААО. Ф. 480. Оп. 12. Д. 186. Л. 13.

¹¹ ГААО. Ф. 480. Оп. 12. Д. 99. Л. 10; ГАПК. Ф. 131. Оп. 16. Д. 382. Л. 34.

¹² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 153. Д. 1091. Л. 57.

¹³ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 39. Д. 932. Л. 48.

¹⁴ ГАПК. Ф. 131. Оп. 19. Д. 357. Л. 20.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 39. Д. 1142. Л. 49.

Список литературы

Аграрная политика КПСС на Дальнем Востоке (1960–1986 гг.). Владивосток: ДВГУ, 1987. 184 с.

Борчанинова В.Е. О некоторых особенностях социально-классовых изменений на Дальнем Востоке в 60–80-е годы. Владивосток, ИИАЭ ДВО РАН, 1988. 59 с.

Бытовое обслуживание населения Амурской области за 1980, 1985–1987 гг. Благовещенск: Статуправление, 1988. 76 с.

Ващук А.С., Деревяшко А.П., Просянников Н.Н. Сельское хозяйство Дальнего Востока // Дальневосточная деревня в 1961–1980 гг. Владивосток: ДВО РАН, 1987. Ч. 1. 218 с.

Ващук Л.И. Развитие сельского хозяйства СССР: цифры и факты. М., Финансы и статистика, 1986. 95 с.

Власов С.А. Жилищное строительство на Дальнем Востоке (1946–1991 гг.). Владивосток, Дальнаука, 2008. 204 с.

Гринько А.А. Повседневность жителей Дальнего Востока страны в период «позднего» социализма // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2018. № 1 (43). С. 113–118.

Гринько А.А. К вопросу о положении женщин дальневосточных сел в период «позднего» социализма // Самарский научный вестник. 2019. № 2 (27). С. 292–295.

Корякина Е.В. Социальное развитие села юга Дальнего Востока в годы перестройки (1985–1991-е гг.): дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2009. 213 с.

Крестьянство Дальнего Востока СССР в XIX–XX вв.: очерки истории / под ред. А.И. Крушанова. Владивосток: ДВУ, 1991. 416 с.

Минакир П.Я., Рензин О.М., Чичканов В.П. Экономика Дальнего Востока: перспективы ускорения. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1986. 256 с.

Народное хозяйство Хабаровского края в 1985 г. Хабаровск: Статуправление, 1986. 234 с.

Показатели социального развития РСФСР, Дальневосточного района, Приморского, Хабаровского краев и Амурской области за 1965–1987 гг. Хабаровск: Статуправление, 1988. 194 с.

Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М., Наука, 1990. 138 с.

Сибирь и Дальний Восток: социальное развитие. М.: Госкомстат РСФСР, 1990. 183 с.

Социально-экономический анализ уровня жизни населения Дальнего Востока: сб. науч. тр. / отв. ред. С.В. Югай. Владивосток: ДВО АН СССР, 1989. 171 с.

Территориальные особенности формирования уровня жизни населения: сб. науч. трудов / отв. ред. А.С. Ревайкин. Владивосток: ДВО АН СССР, 1988. 124 с.

References

Agrarnaia politika KPSS na Dal'nem Vostoke (1960-1986 gg.) [Agrarian policy of the CPSU in the Far East (1960-1986)]. Vladivostok, DVGU Publ., 1987, 184 p. (In Russ.)

Borchaninova V.E. *O nekotorykh osobennostiakh sotsial'no-klassovykh izmenenii na Dal'nem Vostoke v 60-80-e gody* [On some features of social and class changes in the Far East in the 60-80 years]. Vladivostok, IAE DVO RAN Publ., 1988, 59 p. (In Russ.)

Bytovoe obsluzhivanie naseleniia Amurskoi oblasti za 1980, 1985-1987 gg. [Consumer services for the population of the Amur region in 1980, 1985-1987]. Blagoveshchensk, Statupravlenie Publ., 1988, 76 p. (In Russ.)

Vashchuk A.S., Derevianko A.P., Prosiannikov N.N. *Sel'skoe khoziaistvo Dal'nego Vostoka. Dal'nevostochnaia derevnia v 1961-1980 gg.* [Agriculture of the Far East. Far East village in the years 1961-1980. Part 1]. Vladivostok, DVO RAN Publ., 1987, ch. 1, 218 p. (In Russ.)

Vashchukov L.I. *Razvitie sel'skogo khoziaistva SSSR: tsify i fakty* [Development of agriculture in the USSR: facts and figures]. Moscow, Finansy i statistika Publ., 1986, 95 p. (In Russ.)

Vlasov S.A. *Zhilishchnoe stroitel'stvo na Dal'nem Vostoke (1946-1991 gg.)* [Housing construction in the Far East (1946-1991)]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2008. 204 p. (In Russ.)

Grin'ko A.A. *Povsednevnost' zhitelei Dal'nego Vostoka strany v period «pozdnego» sotsializma* [Everyday life of the inhabitants of the Far East of the country in the period of «late» socialism]. *Vektor nauki Tol'iattinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vector science of Togliatti State University], 2018, № 1 (43), pp. 113–118. (In Russ.)

Grin'ko A.A. *K voprosu o polozhenii zhenshchin dal'nevostochnykh sel v period «pozdnego» sotsializma* [On the situation of women in the Far Eastern Villages in the period of «late» Socialism]. *Samarskii nauchnyi vestnik* [Samara Scientific Bulletin], 2019, № 2 (27), pp. 292–295. (In Russ.)

Koriakina E.V. *Sotsial'noe razvitie sela iuga Dal'nego Vostoka v gody perestroiki (1985-1991-e gg.): dis. ... kand. ist. nauk* [Social development of rural areas in the South of the Far East in the years of Perestroika (1985-1991): dissertation ... candidate of historical sciences]. Khabarovsk, 2009, 213 p. (In Russ.)

Krest'ianstvo Dal'nego Vostoka SSSR v XIX–XX vv.: ocherki istorii [The peasantry of the Far East of the USSR in the XIX-XX centuries: essays of history], pod red. A.I. Krushanova. Vladivostok, DVU Publ., 1991, 416 p. (In Russ.)

Minakir P.Ia., Renzin O.M., Chichkanov V.P. *Ekonomika Dal'nego Vostoka: perspektivy uskoreniia* [The economy of the Far East: prospects for acceleration]. Khabarovsk, Khabarovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1986, 256 p. (In Russ.)

Narodnoe khoziaistvo Khabarovskogo kraia v 1985 g. [National economy of the Khabarovsk Territory in 1985]. Khabarovsk, Statupravlenie Publ., 1986, 234 p. (In Russ.)

Pokazateli sotsial'nogo razvitiia RSFSR, Dal'nevostochnogo raiona, Primorskogo, Khabarovskogo kraev i Amurskoi oblasti za 1965-1987 gg. [Indicators of social development of the RSFSR, the Far Eastern region, Primorsky, Khabarovsk Territories and the Amur Region for 1965-1987]. Khabarovsk, Statupravlenie Publ., 1988, 194 p. (In Russ.)

Rybakovskii L.L. *Naselenie Dal'nego Vostoka za 150 let* [Population of the Far East in 150 years]. Moscow, Nauka Publ., 1990, 138 p. (In Russ.)

Sibir' i Dal'nii Vostok: sotsial'noe razvitie [Siberia and the Far East: Social development]. Moscow, Goskomstat RSFSR Publ., 1990, 183 p. (In Russ.)

Sotsial'no-ekonomicheskii analiz urovnia zhizni naseleniia Dal'nego Vostoka: sb. nauch. tr. [Socio-economic analysis of the standard of living of the population of the Far East: a collection of scientific papers], отв. ред. S.V. Iugai. Vladivostok, DVO AN SSSR Publ., 1989, 171 p. (In Russ.)

Territorial'nye osobennosti formirovaniia urovnia zhizni naseleniia: sb. nauch. trudov [Territorial features of the formation of the standard of living of the population: collection of scientific works], отв. ред. A.S. Revaikin. Vladivostok, DVO AN SSSR Publ., 1988, 124 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 15.01.2021; одобрена после рецензирования 28.01.2021; принята к публикации 12.02.2021.

The article was submitted 15.01.2021; approved after reviewing 28.01.2021; accepted for publication 12.02.2021.